

НАСЛЕДИЕ В.С. СОЛОВЬЕВА: ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ¹

V.S. SOLOVYOV'S HERITAGE: STUDIES AND PUBLICATIONS

УДК 141.338:101.9

ББК 87.3(2)53-693

Дмитрий Дмитриевич Романов

Российский университет дружбы народов, кафедра социальной философии, кандидат философских наук, ассистент, Россия, Москва, e-mail: romanovbook@yandex.ru

Рецепция философских концепций Вл.С. Соловьёва в эпистолярном наследии А. Белого

Аннотация. Представлены результаты исследования рецепции софиологических и теургических концепций Вл.С. Соловьёва в эпистолярном наследии А. Белого, в первую очередь раннего периода становления философа и поэта-символиста до 1905 года. Утверждается, что из всех младосимволистов именно А. Белый был ближе всех к пониманию софиологии Вл.С. Соловьёва и созданию собственной целостной системы теургического символизма на её основе. Обосновывается, что исходной позицией при построении этой системы явилась установка на синтез эсхатологии, учения о Мировой Душе и теургической роли художника-жизнетворца. Цель исследования – проследить зарождение учения А. Белого о символизме как миропонимании, самосознающей душе и коллективной личности, уходящего корнями в оригинальное прочтение философских концепций Вл.С. Соловьёва. Обращение к переписке А. Белого с А.А. Блоком, Э.К. Метнером, Н.И. Петровской, А.С. Петровским объясняется тем, что именно в этих письмах обрисованы общие идейные контуры его концепций. Проведенный анализ эпистолярного материала дает предпосылки к пониманию метафизики А. Белого, концепции которой впоследствии оказались осложнены самим мыслителем, что затрудняет их истолкование современными исследователями.

Ключевые слова: символизм, эпистолярное наследие А. Белого, метафизика Андрея Белого, софиология, теургия, эсхатология, Мировая Душа, жизнетворчество, коллективная личность, эго-текст

¹ Публикуются статьи, подготовленные на основе докладов, представленных на Международной научной конференции «Несобранный и неизданный Соловьёв: проблемы публикации и интерпретации наследия Вл.С. Соловьёва», 29–30 сентября 2021 г., Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина, г. Иваново, Россия.

Dmitry Dmitrievich Romanov

Peoples' Friendship University of Russia, department of social philosophy, PhD in Philosophy, assistant, Russia, Moscow, e-mail: romanovbook@yandex.ru

Reception of Vl.S. Solovyov's philosophical conceptions in A. Belyi's epistolar heritage

Abstract. The article presents results of research of Vl.S. Solovyov's sophiological and theurgic concepts reception in the epistolary heritage of A. Belyi – first of all, the early period of philosopher and symbolist poet until 1905. It is argued, that of all the Young Symbolists, it was Belyi who was the closest to understanding Solovyov's sophiology and creating his own integral system of theurgic symbolism on its basis. It is substantiated, that the starting point in the construction of this system is the direction to synthesis of eschatology, World Soul doctrine and theurgic role of the life-creator artist. The purpose of this research is to trace the origin of Belyi's doctrine of symbolism as a worldview, a self-conscious soul and a collective personality, presented in detail much later, but rooted in the original reading of Solovyov. An appeal to the correspondence between Belyi and A.A. Blok, E.K. Metner, N.I. Petrovskaya, A.S. Petrovskiy and others, is justified by the fact that it is in these letters that the general ideological contours of his concepts are outlined. Later, they turned out to be eclectically complicated in many ways, which makes it difficult for modern researchers to fully understand them, but the epistolary material is a kind of compass in the confused area of Belyi's metaphysics. The epistolary material analysis provides the method of understanding Belyi's metaphysics, taken into account, that later his system concepts turned out to be complicated by the thinker himself, which makes it difficult for modern researchers to understand them holistically.

Key words: symbolism, A. Belyi's epistolary heritage, Andrey Belyi's metaphysics, sophiology, theurgy, eschatology, World Soul, life creation, collective personality, ego-text

DOI: 10.17588/2076-9210.2022.3.006-018

К философскому взгляду на эпистолярное наследия А. Белого

Андрей Белый всегда подчеркивал прямое влияние идей Вл. Соловьева на своё творчество, но именно в ранний период становления поэта-символиста мистико-философские концепции софиологии, положительного всеединства и теургии органично и целостно развились в его душе, склонной к метафизическому мирозерцанию. Девятнадцатилетний Борис Бугаев² присутствовал лично (май 1900 г.) при чтении Вл.С. Соловьевым «Повести об антихристе» в доме брата философа М.С. Соловьева. И там же удостоился чести задать философу несколько вопросов о смысле таких понятий, как *человекобог* и *богочеловек*. Уже сам образ Соловьева, образ странствующего мага или изможденного пустыней пророка, его длинные пальцы, грива волос, его смех и внимательный взгляд искристых глаз обвораживали молодого поэта. И конечно, сами темы конца времен, судьбы христианства и хода мировой истории занимали юного

² Борис Николаевич Бугаев – настоящее имя Андрея Белого (псевдоним предложен М.С. Соловьевым).

Белого – это и в целом было одним из главных дискурсов начала века. Помимо знаменитых «Симфоний» (1900–1904 гг.), поэмы «Первое свидание» и стихотворений «Владимир Соловьев» (1903 г.) и «Раздумье» (1901 г.), прямо или косвенно указующих на личность философа, Белый пишет ряд культурфилософских статей, вдохновленных учением и персоной Соловьева, – «Апокалипсис в русской поэзии» (1905 г.), «Владимир Соловьев» (1907 г.), «Интеллигенция и церковь» (1902 г.), «О теургии» (1903 г.) и др. Однако почти без внимания исследований остается след соловьевских идей в эпистолярном наследии Белого. А ведь именно там раскрывается смелая, оригинальная и зачастую очень интимная и от того искренняя, хотя и не всегда чётко отшлифованная мысль молодого поэта. Своеобразие стиля его писем – экзальтированная изоляция своего «Я» в мифо-символической реальности жизнетворчества при глубоким уважении к мысли собеседника и выражение детской дружеской любви, граничащей с пылкой страдающей враждебностью, – воплощается в строках гениального, хотя и своеобразно юродствующего художника, стилем и манерой уходящего в запредельное. Там системы отвлеченно-сухой метафизики уже не могут найти подходящих категорий для описания новой реальности – там уместны только тезаурусы «мистических зорь».

Следует отметить, что наше исследование в большей степени использует философскую методологию и в меньшей степени – филологическую, выявляет мировоззрение А. Белого в аспекте преемства им религиозно-философских идей Соловьева. Обращение к эпистолярному наследию раннего периода становления А. Белого обосновано тремя факторами. Во-первых, после 1905 года Белый пересматривает отношения с рядом корреспондентов из символистского круга, резко и безапелляционно пресекая некоторые дискуссии. Во-вторых, переписка «зрелого» и «позднего» Белого заслуживает отдельных исследований. В-третьих, именно в письмах раннего периода становления А. Белого стоит искать соловьевские корни метафизики, поскольку в дальнейшем антропософский аспект вытесняет (хотя и не полностью) ее софиологическую составляющую. Мы отдаем отчет в том, что при данной выборке без внимания останутся такие невероятно ценные материалы, как, например, переписка Белого с Р.В. Ивановым-Разумником и Вяч. Ивановым, где также ведется разговор о наследии Соловьева. Это может стать материалом для будущих изысканий.

В философском плане нас интересуют вопросы мистико-интуитивистского понимания истории, религиозного опыта, соотношения воли и бытия, целого и частного, души и тела в контексте прочтения Белым этих идей у Соловьева и их отражение в переписке с А.А. Блоком, Э.К. Метнером, А.С. Петровским, Н.И. Петровской, М.К. Морозовой и др. Именно в этих письмах обрисованы общие идейные контуры его концепций в момент их зарождения. Позднее они во многом окажутся эклектично осложнены, что затруднит их понимание современными исследователями. В любом случае

эпистолярный материал является своеобразным компасом в запутанной области метафизики Белого.

То, что Белый является последователем Соловьева, сомневаться не приходится. Так, Иванов-Разумник, анализируя раннее творчество поэта и его роман «Петербург», апокалиптический символизм которых тяготеет к позднему творчеству философа всеединства, пишет: «Эсхатологические чаяния, вне которых не понятен Андрей Белый, имели свой исток в проповеди последних лет Владимира Соловьева, этого, быть может, единственного в то время подлинного "символиста"; и если А. Белый "символист" – то лишь как ученик Соловьева» [1, с. 35].

Акцент нами ставится на прозу и поэзию А. Белого времен «Симфоний» и первых стихотворных сборников (1903–1908 гг.), где, вопреки декадентской тенденциозности, ожидание грядущего Христа и видения «Жены Облаченной В Солнце» выступают основными лейтмотивами. Однако стоит принять во внимание и теургическую программу символистов, в которой искусство тождественно жизни и направлено на преображение объективной реальности. Мы не должны рассматривать символизм только как специфическую организацию художественной формы («искусство ради искусства»), но согласны с замечанием В.Ф. Ходасевича о том, что «символизм не хотел быть только художественной школой, литературным течением. Все время он порывался стать жизненно-творческим методом, и в том была его глубочайшая, быть может, невоплотимая правда, но в постоянном стремлении к этой правде протекла, в сущности, вся его история» [2, с. 7]. Отсюда, по мнению некоторых исследователей³, берет начало «адресованный» жанр, вошедший как художественно-эстетический аспект словесности, так и непосредственно живой праксис, обращение к конкретному лицу с интенцией обнаружения своего «Я» в диалоге с другим. Жизнетворчество подразумевает сотворение судьбы и личности через теургическую практику, открытую художнику, в которой он со-творит вместе с Богом, по выражению Вл.С. Соловьева, «пересоздает существующую действительность»⁴. Здесь Соловьев говорит о миссии искусства как органической основы отношения человека к природе и Богу. Художественное творчество отныне не должно пониматься ни как подражание, ни как объективация внутреннего мира, но творец наделяется статусом теурга, знающего глубинные связи вещей и эксплицирующего это знание на языке мистических символов. Отношения искусства и жизни, следующей по теургическому пути, можно назвать жизнетворчеством. На примере переписки Белого с М.К. Морозовой, в которую поэт был влюблен как в воплощение Софии, исследователи А.В. Лавров и Дж. Малмстад показывают, что «письма Белого к Морозовой могут восприниматься как составные части некоего единого текста, как разножанровые вариации "жизне-

³ См.: Берендеева И.А. Тематическое и стилистическое многообразие писем А. Блока // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 15. С. 28 [3].

⁴ См.: Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 2 т. Т. 1 / сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Лосева и А.В. Гулыги. М.: Мысль, 1990. С. 744 [4].

творческой” темы»⁵. Авторы подчеркивают, что для младосимволистов общим местом являлось поклонение Премудрости Божией, воплощенной в лице женщины, и в этом аспекте жизнетворческая активность проявлялась не только в создании произведений искусства, но и в служении религиозно-мистического толка. Говоря о символизме в целом, стоит отметить, что именно в нем ярче всего проявлялось влияние Соловьева и его идеи художника-пророка и священнослужителя⁶. В жизнетворческом синтезе – соединении ноуменального и феноменального мира в реальности художественного символа – одухотворенное действие становится теургией. Так, А. Белый пишет: «Соединение вершин символизма как искусства с мистикой Владимир Соловьев определял особым термином. Термин этот – теургия» [7, с. 253]. Ряд религиозных мыслителей, в числе которых и прот. Георгий Флоровский, отмечают, что идея возвращения к религиозному и эсхатологическому мироощущению через теургическую эстетику характеризует творчество символистов⁷.

Таким образом, символ Вечной Подруги, Софии Премудрости или Девы Зари – неотъемлемый атрибут теургической миссии художника, и эсхатологические настроения Белого полны ожидания мистической встречи горнего с дольным. Подобные настроения Белого очень емко охарактеризовал В.В. Бычков, назвав их «экзистенциальным переживанием символизма» и «опытом совершенствования собственного сознания на путях проникновения в сокровенные сферы бытия»⁸. Это и было основной темой его первых философских писем – к Эмилию Метнеру и Александру Блоку.

Теургическая эсхатология: Мировая Душа как *Ewig Weibliche*

Эсхатологические мотивы, о которых в процитированных выше «Вершинах» пишет Р.В. Иванов-Разумник, с особой ясностью обнаруживаются в переписке с Э. Метнером, старшим другом и авторитетным для поэта-символиста собеседником. Метнер органически воспринимает специфически германское представление о духе музыки, миф о гибели богов и смысл слов Гете о Вечной Женственности. Стиль писем Белого – следование за собеседником вплоть до языкового подражания. Но оно выступает попыткой прорыва

⁵ См.: Лавров А.В., Малмстад Дж. «Прекрасная Дама» Андрея Белого // Белый А. Ваш рыцарь: письма к М.К. Морозовой. 1901–1928 / под ред. А.В. Лаврова, Дж. Малмстад. М.: Прогресс-Плеяда, 2006. С. 9 [5].

⁶ О том, что все ключевые учения русской религиозной философии происходят из художественной литературы, на примере Соловьева см.: Clowes E.W. Philosophical language between revelation and reason: Solovyov's search for total unity // Clowes E.W. Fiction's overcoat: Russian literary culture and the question of philosophy. Ithaca: Cornell University Press, 2004. P. 103–130 [6].

⁷ См.: Крылов Д.А. Идея «Софии», религиозное дело Владимира Соловьева и символизм Андрея Белого // Вестник Московского Университета. Философия. 2005. № 5. С. 4 [8]. О демиургическом аспекте творчества в символизме Белого см.: Malmstad J.E. Andrey Bely: spirit of symbolism. N-Y.: Cornell University Press, 1987, P. 293 [9].

⁸ См.: Бычков В.В. Русская теургическая эстетика. М.: Ладомир, 2007. С. 519–520 [10].

в интересующую реальность, попыткой всегда безуспешной. И это следование продолжается до определенной границы, после которой начинается своеобразное и яркое выражение мистического опыта, в котором уже нет собеседника и манера описания которого уникальна. Как метко отметил Ф.А. Степун, Белый не мог и не хотел выходить за пределы изолированного «Я», помещая в эти пределы весь мир. И собеседник часто нужен ему лишь как точка входа в сферу своего собственного «Я». Так и немец Метнер служит как бы проводником концепта *Ewig-Weibliche*, с гордостью воспринятого им от своего соотечественника Гете. Но Белый синтезирует его с соименным концептом Соловьева, художественно эксплицированным в стихотворении *Das Ewig-Weibliche* (1898 г.), и на этом синтезе строит уже свою философию Вечной Женственности. Следует выяснить, имеет ли тут место генетически более глубокая, корневая органическая рецепция учения Соловьева о Премудрости Божией.

Чтобы ответить на вопрос о самой возможности преемственности идей, нужно определить, как Белый понимает саму природу идей. Письма Белого к Метнеру изобилуют идеями теософского эзотеризма, в них идёт анализ соотношения теургии и теософии. А. Белый пишет: «Равнодействующая между теософией и теургией будет заключаться в расширении *идейности* в вещах до степени родовых и т.д. идей. А так как идея по существу своему *символична* (во временном вневременном – *σύμβολον*), то в расширении и углублении *символа* и будет заключаться это слияние теософии, *как начала* и теургии, *как конца*. Скажу далее: эзотеризм эзотеризма, т. е. символ символа уже близит к воплощению»⁹ (с. 171). Белый пишет здесь о грядущем царстве Вечной Женственности как Церкви, которая наступит перед концом мира. Мистерия женственности была очень близка ему, как и Вячеславу Иванову, и конец мира мыслится им как конец разобщенного состояния человечества после осуществления этой мистерии. Цельное знание и особый тип мышления (знание-жизнь), приводящий к нему, выступают здесь попыткой преодоления проблемы антиномий Канта, разрыва между ноуменальным и феноменальным. Вещь у Белого становится идеей, а идея – вещью в символическом мировосприятии. Система символов, функционирующая по законам поэтической структуры, то есть язык искусства, – как раз тот метод, которым идеи могут быть переданы от одного человека другому без интерпретационного искажения. Центральным же символом, структурирующим всю новую реальность, теургически воссозданную, является София, Вечная Подруга, Лучезарная Дева (тут Белый приводит множество ее имен). Она олицетворяет субстанциальное начало, вечное и неизменное, присутствующее в процессуальности становления всей человеческой культуры.

⁹ Здесь и далее цитаты из переписки А. Белого и Э. Метнера приводятся по изданию: Андрей Белый и Эмилий Метнер. Переписка. 1902–1915. Т. 1: 1902–1909 / вступ. ст. А.В. Лаврова; подгот. текста, коммент. А.В. Лаврова, Дж. Малмстада и Т.В. Павловой. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 744 с. [11].

В своих письмах Метнеру Белый часто упоминает о закатах – символах начала и конца. Ему важен их цвет, и особенно волнует сочетание розового и золотого цветов, которые он трактует как явление Логоса в Душе Мира, рождения человека в церкви, т.е. богочеловечества. В письме от 7 августа 1902 г. встречаем первое важное упоминание о Соловьёве: «По Соловьёву, Логос, воплощаясь в Душу Мира, тем самым нисходит в мир» (с. 93). Но, несмотря на преимущество, с точки зрения Белого, Соловьёв должен быть переосмыслен в теософско-теургическом ключе. Белый понимал свойственную интеллигенции его круга тенденцию поиска конкретного воплощения Вечной Женственности, живого общения с ней. Отвлеченное знание, с критикой которого выступал Соловьёв, преодолевается в Серебряном веке разными путями, и Белый предостерегает от вульгаризации эзотерического знания, указывая Метнеру между прочим и на Розанова, и на позицию современной ему церкви, которая обвиняет символистов в содомском грехе, когда те (речь о заседаниях у Д.С. Мережковского) проповедуют свой Третий Завет. В этом месте письма Белый цитирует строки Соловьёва: «Знайте же – Вечная Женственность ныне в теле нетленном на землю идет» (с. 151–152). Здесь звучит древний вопрос, озвученный Платоном в «Пире», о выборе между Ἀφροδίτῃ Οὐρανία и Ἀφροδίτῃ Πάνδημος – вопрос о смысле любви. Искать сущность Души Мира путем приписывания ее черт конкретной личности – значит, как выводит Белый, пойти против истинной софиологии, встать на путь антихристианства. Вскоре это послужит причиной «мистического раскола» между Белым и Блоком. Научить человечество символизму как языку для описания грядущей реальности, то есть эсхатологическому символизму, – вот задача, которую Белый ставит перед собой в ранних письмах.

Еще в 1903 году в письме от 9 августа (до роковой встречи с женой Блока) Белый предупреждает свою возлюбленную Н.И. Петровскую: «Вы противопоставляете мистической влюбленности в Душу Мира земной образ любви. Но если сама Душа Мира есть только углубленная относительность, то насколько относительна эта земная любовь. Если влюбленность в Душу Мира есть последнее звено всякой земной любви, выход из Нее к Богу, то перенесение ее на земной образ есть величайший ужас – астартизм, который и пытается провозгласить Розанов» [12, с. 202]. Стремление к запредельному, уход от плотского к трансцендентному, с одной стороны, и конкретно-телесное временное воплощение, с другой, Белый пытается уравновесить в реальности символа. Для него конкретное есть не столько воплощение, которое всегда неполноценно (здесь Белый согласен с Кантом), сколько символ. И потому обосновать теорию символизма кажется ему важнейшей задачей, стоящей перед философией, искусством, религией и тем, что он называет бытом или жизнетворчеством.

Отношения искусства и религии – еще один важный вопрос. Монадология и энергизм, с точки зрения Белого, объединяются у Соловьёва в учении о центральной монаде, «которая есть в то же время и идея, т.е. вечно-сущее, непреходящее, типичное в известной вещи» (с. 276). Здесь Белый пытается

обосновать свое учение о символе мистическим идеализмом учителя. Девять ангельских чинов Белый в письмах Метнеру уподобляет иерархии идей, и высшая идея оказывается Душой Мира, отблеск которой можно обнаружить в реальности искусства. Искусство уже не мыслится в категориях мастерства и гениальности, оно становится пророчеством, искусство подчинено религии, и теург становится на место гения. А задача теурга – увести человеческий род из гибнущего мира в небеса идей, где он, следуя за Вечной Женственностью, встретится с Христом¹⁰.

Не менее интересна и эстетика эсхатологии, о которой Белый в очень интимном тоне сообщает Метнеру в письме от 10 декабря 1903 г.: «Опять хочу осыпать себя белыми душистыми цветами – утонуть в знаменательном отсвете пунцовой, церковной лампадки. Да вот о *пунцовом* – не следует путать *пунцовое* с *красным* (с алым). *Пунцовое* ближе к *пурпуру*, а *пурпур* – это огонь не злых земных страстей (*"вдали, догорая, дымилось злое пламя земного огня"*, Вл. Сол<овьев>), а огонь Божий, который сожжет небо и землю и отделит праведников (которым он в восхищении) от грешников (которым он воздаст за *алость* их деяний). Вот почему я стою за символ. Символ, указывая соединением многого в одно на относительность относительного, способом от противного устремляет взоры к Вечности. Вот почему по сравнению с феноменализмом поверхностной жизни *символ* существеннее. Но и он *относителен* (ибо символ прежде всего – сравнение многого в одном *отношении*)» (с. 392–393). Белый своеобразно интерпретирует символ как неуловимость бытия, его несубстанциальность. Для него реальность – всегда процесс, а не неподвижное единство, и Блок в переписке с ним подмечает, что ритм для Белого как поэта заменен логосом, как его понимает Гераклит¹¹. И сам Белый часто упоминает диалектику Гераклита, противопоставляя её элеатской статичной замкнутости бытия на себе самом. Язык цветов Белый заимствует у Гёте, который в цветовых переходах видит указание на изменчивость мира, постоянное завершение и неуловимую, но всегда присущую настоящему моменту границу перехода из состояния в состояние. Эта перманентная пограничность характеризует апокалиптическое мышление Белого, наиболее адекватно выражающее себя в цветовом символизме.

Двойственность софиологии и «мистический раскол»

Другой не менее важный корреспондент Белого, А.А. Блок, в письмах признается, что система Белого крайне сложна для понимания. Впрочем, и сама переписка двух поэтов-мистиков вряд ли может претендовать на просто-

¹⁰ Андрей Белый и Эмилий Метнер. Переписка. 1902–1915. Т. 1: 1902–1909 / вступ. ст. А.В. Лаврова; подгот. текста, коммент. А.В. Лаврова, Дж. Малмстада и Т.В. Павловой. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 277–278 [11].

¹¹ Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919 / подгот. текста, публ., предисл. и коммент. А.В. Лаврова. М.: Прогресс-Плеяда, 2001. С. 31 [13].

ту понимания. В комментариях к ранним письмам, которые Белый составил в 1926 году, он называет себя соловьевцем, и в этом видит причину растущего непонимания между корреспондентами. Дело в том, что Блок трактует софийный символ Соловьева совершенно иначе, ему куда ближе софиоцентрический символизм, нежели христоцентрический, как у Белого (яркое подтверждение последнего – поэма «Христос воскрес» (1918 г.)). В июне 1903 Белый пишет роковое письмо, в котором требует по пунктам ответить на несколько четко сформулированных вопросов, касающихся сущности Софии, как ее понимает Блок. С этого письма начинает усиливаться непонимание и одновременно дружеская любовь. На один из вопросов Блок отвечает так: «Я скажу, что я люблю Христа меньше, чем Ее <Софию>, и в "славословии, благодарении и прощении" всегда прибегну к Ней»¹² (с. 69). Очевидное утверждение абсолютных истин в христианстве, присущее философии Соловьева, таким образом, свойственно и Белому, но неприемлемо для молодого Блока. Тем яснее звучит призыв Белого: «Милый, дорогой Александр Александрович, не бросайте ни Церкви, ни Соловьевских "костылей". Подай Боже всем такие "костыли"» (с. 95). Неоднократно слышен у автора «Симфоний» и призыв вернуться к философии всеединства, от которой отказываются Брюсов, Бальмонт, Мережковский в пользу декадентства и отвлеченного искусства. Блок кажется ему метущимся между двух «лагерей», и Белый в переписке пытается вернуть его к чистому религиозному мирозерцанию через софиологию Соловьева. Но она тут не цель, а средство. Стоит отметить, что эпистолярный жанр в данном случае является полноценной реализацией житнетворческой интенции, ведь столь глубоко чувствующие друг друга мыслители, не были знакомы очно.

Расхождение во взглядах (мистический раскол¹³) обостряется задолго до встречи Белого с женой Блока – ещё в начале 1903-го, и связано оно с двойственным пониманием Софии самим Соловьёвым в «Чтениях о Богочеловечестве», где указывается на то, что София – существо двойственное¹⁴. С точки зрения Белого, Мировая Душа, воплотившая Христа, является предикацией некой солнечной девы, олицетворяя принцип чистоты. А та же Душа, не знающая Христа, – астартическая сущность. Чем в действительности она предстаёт, Белый не может сказать, но указывает на необходимость музыкального мышления, в котором разворачивается апокалиптическая диалектика. «Прекрасная дама» для Белого становится предвестницей апокалипсиса, о чём он пишет в «Весях» в 1905 году в статье

¹² Здесь и далее цитаты из переписки А. Белого и А. Блока приводятся по изданию: Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919 / подгот. текста, публ., предисл. и коммент. А.В. Лаврова. М.: Прогресс-Плеяда, 2001. 608 с. [13].

¹³ О психологическом аспекте «раскола» в контексте софиологического дискурса см.: Ljunggren M. Bely and Aleksandr Blok // Poetry and Psychiatry: Essays on Early Twentieth-Century Russian Symbolist Culture. Boston: Academic Studies Press, 2014. P. 18–25 [14].

¹⁴ См.: Соловьёв В.С. Чтения о Богочеловечестве // В.С. Соловьёв. Соч. в 2 т. Т. 2 / сост., подгот. текста и прим. Н.В. Котрелева и Е.Б. Рашковского. М.: Правда, 1989. С. 131 [15].

«Апокалипсис в русской поэзии». Взволнованность и напряженное всматривание в теургические символы связаны именно с ожиданием конца, когда символы, как бы служащие религиозно-космологической «мистерии» и явленные через искусство поэзии, открывают всему человечеству божественную истину завершения всемирной истории. И прежде этого, непознанная и тайно сущая в человечестве, придёт в теле нетленном сама София. В позднейших комментариях к письмам Белый предлагает разрешение мучившего Блока парадокса о восходящей и нисходящей природе Софии. Он призывает «думать мыслями Владимира Соловьева – мобилизовавшего тут мысли гностика Валентина» (с. 73), для которого именно христианский гнозис должен освободить Софию Ахамот, падшую душу, и не соблазниться ей, оставить её тайну нетронутой, но преклониться перед этой тайной, как перед святыней. Соблазн же может проявляться как в содомском искушении об ангелах, так и в прелести увидеть воплощённую Душу Мира в земной женщине. Последнее и случается через два года с обоими символистами и женой Блока – Любовью Дмитриевной Менделеевой. Подробнее о метафизике подобного прельщения рассуждает и сам Белый в переписке с А.С. Петровским¹⁵. А сдержанный тон этой переписки вызван критическим отношением Петровского к Соловьеву времен «Трёх разговоров». Белый принимает от Петровского критику своих рецепций Софии и усваивает общий тон недоверия к мистическому аспекту жизнотворчества его современников, однако отстаивает важность идей о конце истории и гениальность предсмертных публикаций Соловьева¹⁶.

Сам же Белый обвиняет Блока в нечуткости к реальности символов, проявившейся в разграничении символизма и воплощения, в грубости его софиологии – Блок понимает Софию не как идею человечества, что согласовалось бы с учением Соловьева, но как конкретную индивидуальность, отделенную от всечеловеческой стихии, отказавшуюся от встречи с обществом как жизнью для-других. Это своего рода софиологический эскапизм¹⁷. Жизнотворческая интенция Блока приводит его к субъективному, а не соборному, к диссонирующему, а не симфоническому сознанию и, следовательно, к имманентному индивидуализму, в то время как Белый начинает разрабатывать учение о коллективной личности. Но это происходит уже после встречи с Р. Штайнером в 1912-м году. А нам важен комментарий на всё то же письмо, где Белый пишет: «Она всегда между человеком с одной стороны и Христом с другой; так брал её Соловьев; и оттого называл "Девой Радужных Ворот". Она – подвижна и сре-

¹⁵ См.: Петровский – Белому. 01 августа 1904 г. // Андрей Белый и Алексей Петровский. Переписка. 1902–1932 / вступ. статья, сост., коммент., подгот. текста Дж. Малмстада. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 83 [16].

¹⁶ См.: Белый – Петровскому. 10 августа 1904 г. // Андрей Белый и Алексей Петровский. Переписка. 1902–1932 / вступ. статья, сост., коммент., подгот. текста Дж. Малмстада. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 99 [17].

¹⁷ Противоположная точка зрения связывает софиологию Блока с концепцией его творческого самопознания и поиском самоидентичности. См. об этом: Minets D. Mythorealistic Concept of «Beautiful Lady» in the Structure of the Author's Identity (Based on the Diaries of Alexander Blok) // International journal of environmental and science education. 2016, Vol. 11, № 15. P. 7465–7475 [18].

динна, как всякое со-, а не как интер-: как со-циал, как со-национал, как со-личие, как со-знание и т.д.» (с. 77). Закатами и небесами, пронизавшими жизненную ткань символистского «быта», Соловьев вводил в житнетворчество Белого идею цельного со-бытия, драматизируя его связь со своим «двойником» Блоком, привносящим инобытийное и, как выражался П.Д. Святополк-Мирский, пассивное восприятие реальности.

Тут мы можем найти ключ к последующей метафизике коллективной личности у Белого. Как отмечает в своей статье «Идея Софии, ”религиозное дело” Владимира Соловьева и символизм Андрея Белого» Д.А. Крылов, «он ставит перед собою задачу – ”переплавить” философию Соловьева в конкретный символизм, где главное место займет его указание ”зари” (проблема Софии как объединяющей личное с коллективным)» [8, с. 11].

В переписке с Блоком вновь проявляется тот же стиль живого философствования Белого – в диалоге до определенной черты, после которой начинается монолог одинокого «Я», развившийся через двадцать лет в учение о самосознающей душе, которому Белый посвятит себя до конца своих дней¹⁸.

Резюмируя результаты исследования основных путей рецепции концепций Вл. Соловьева в письмах А. Белого, можно предложить следующую их типологию: софиологический дискурс, христологический дискурс, эсхатологическое понимание культуры. Первый путь подразумевает развитие тем Души Мира, Вечной Подруги, *Ewig Weibliche*. Он берет начало в поэтическом наследии Соловьева, Данте и Гете и должен быть рассмотрен как необходимое условие житнетворчества – проблемы воплощенности и символизации Софии. Христологический дискурс эксплицирует необходимость присутствия Христа-Логоса в жизни человека и художника, ответственного за теургическое преобразование реальности. Третий путь – это предчувствие поворотной точки в культурно-историческом процессе, точки встречи человеческого и божественного, обнаружения субстанциального непреходящего начала в процессуальности исторического бытия. Первый и второй пути связаны с третьим, и в целом органичная интеграция концепций на всех уровнях рецепции, отраженная в эпистолярном наследии со всей присущей ему жизненной полнотой, может свидетельствовать о глубинном понимании А. Белым софиологических идей предтечи русского символизма Вл.С. Соловьева.

Список литературы

1. Иванов-Разумник Р.В. Вершины. Петроград: Колос, 1923. 246 с.
2. Ходасевич В.Ф. Конец Ренаты // Ходасевич В.Ф. Собр. соч. в 4 т. Т. 4. М.: Согласие, 1997. С. 7–19.

¹⁸ См.: Белый А. История становления самосознающей души в двух книгах / сост., подгот. изд. М.П. Одесский и др.; отв. ред. О.А. Коростелев, М.Л. Спивак. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 640 с. [19]; а также наиболее целостное на сегодняшний день герменевтическое исследование этой работы см.: Schmitt A. *Hermetischer Symbolismus: Andrej Belyjs «Istorija stanovlenija samo-soznajuščej duši»*. Berlin: Peter Lang GmbH, 2019. 432 p. [20].

3. Берендеева И.А. Тематическое и стилистическое многообразие писем А. Блока // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 15. С. 27–32.
4. Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Собр. соч. в 2 т. Т. 1 / сост., общая ред. и вступ. ст. А.Ф. Лосева и А.В. Гулыги. М.: Мысль, 1990. С. 581–745.
5. Лавров А.В., Малмстад Дж. «Прекрасная Дама» Андрея Белого // Белый А. Ваш рыцарь: письма к М. К. Морозовой. 1901–1928 / под ред. А.В. Лаврова, Дж. Малмстад. М.: Прогресс-Плеяда, 2006. С. 3–32.
6. Clowes E.W. Philosophical language between revelation and reason: Solovyov's search for total unity // *Fiction's overcoat: Russian literary culture and the question of philosophy*. Ithaca: Cornell University Press, 2004. P. 103–130.
7. Белый А. Символизм как миропонимание // Символизм как миропонимание / сост., вступ. ст. и примеч. Л.А. Сугай. М.: Республика, 1994. С. 244–255.
8. Крылов Д.А. Идея Софии, «религиозное дело» Владимира Соловьева и символизм Андрея Белого // Вестн. моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2005. № 5. С. 3–19.
9. Malmstad J.E. *Andrey Bely: spirit of symbolism*. N-Y.: Cornell University Press, 1987. 375 p.
10. Бычков В.В. Русская теургическая эстетика. М.: Ладомир, 2007. 743 с.
11. Андрей Белый и Эмилий Метнер. Переписка. 1902–1915. Т. 1: 1902–1909 / вступ. ст. А.В. Лаврова; подгот. текста, коммент. А.В. Лаврова, Дж. Малмстада и Т.В. Павловой. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 744 с.
12. Белый А., Петровская Н.И. Письма // Минувшее: исторический альманах. В 25 т. Т. 13. СПб.: Atheneum, Феникс, 1993. С. 198–215.
13. Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919 / подгот. текста, публикация, предисл. и коммент. А.В. Лаврова. М.: Прогресс-Плеяда, 2001. 608 с.
14. Ljunggren M. *Bely and Aleksandr Blok // Poetry and Psychiatry: Essays on Early Twentieth-Century Russian Symbolist Culture*. Boston: Academic Studies Press, 2014. P. 18–25.
15. Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 2 / сост., подгот. текста и примеч. Н.В. Котрелева и Е.Б. Рашковского. М.: Правда, 1989. С. 5–171.
16. Петровский – Белому. 01 августа 1904 г. // Андрей Белый и Алексей Петровский. Переписка. 1902–1932 / вступ. ст., сост., коммент., подгот. текста Дж. Малмстада. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 82–97.
17. Белый – Петровскому. 10 августа 1904 г. // Андрей Белый и Алексей Петровский. Переписка. 1902–1932 / вступ. ст., сост., коммент., подгот. текста Дж. Малмстада. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 97–103.
18. Minets D. Mythorealist Concept of «Beautiful Lady» in the Structure of the Author's Identity (Based on the Diaries of Alexander Blok) // *International journal of environmental and science education*. 2016. Vol. 11. № 15. P. 7465–7475.
19. Белый А. История становления самосознающей души: в 2 кн. Кн. 1 / сост., подгот. изд. М.П. Одесский и др.; отв. ред. О.А. Коростелев, М.Л. Спивак. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 640 с.
20. Schmitt A. *Hermetischer Symbolismus: Andrej Belyjs «Istorija stanovlenija samosoznajušcej duši»*. Berlin: Peter Lang GmbH, 2019. 432 p.

References

(Sources)

Collected Works

1. Clowes, E.W. Philosophical language between revelation and reason: Solovyov's search for total unity, in Clowes, E.W. *Fiction's overcoat: Russian literary culture and the question of philosophy*. Ithaca: Cornell University Press, 2004, pp. 103–130.
2. Solov'ev, V.S. *Kritika otvlechennykh nachal* [Criticism of abstract principles], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 2 t., t. 1* [Collected Works in 2 vol., vol. 1]. Moscow: Mysl', 1990, pp. 581–745.

3. Solov'ev, V.S. *Chteniya o Bogochelovechestve* [Readings about God-manhood], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vol., vol. 2]. Moscow: Pravda, 1989, pp. 5–171.

Individual Works

4. Belyy, A. *Simvolizm kak miroponimanie* [Symbolism as a world understanding]. Moscow: Respublika, 1994, pp. 244–255.

5. Belyy, A., Metner, E. *Perepiska 1902–1915 v 2 t., t. 1: 1902–1909* [Correspondence 1902–1915 in 2 vol., vol. 1: 1902–1909]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 744 p.

6. Belyy, A., Petrovskaya, N.I. *Pis'ma* [Letters], in *Minuvshhee: istoricheskiy al'manakh, v 25 t., t. 13* [Past: historical almanac, in 25 vol., vol. 13]. Saint-Petersburg: Atheneum, Feniks, 1993, pp. 198–215.

7. Belyy, A., Blok, A. *Perepiska* [Correspondence]. Moscow: Progress-Pleyada, 2001. 608 p.

8. Belyy, A., Petrovsky, A.S. *Perepiska: 1902–1932* [Correspondence: 1902–1932]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007, pp. 82–97. 296 p.

9. Belyy, A., Petrovsky, A.S. *Perepiska: 1902–1932* [Correspondence: 1902–1932]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007, pp. 97–103. 296 p.

10. Belyy, A. *Istoriya stanovleniya samosoznayushchey dushi v 2 kn., kn. 1* [The history of the formation of a self-conscious soul in 2 book, book 1]. Moscow: IMLI RAN, 2020. 1432 p.

11. Ivanov-Razumnik, R.V. *Vershiny* [Highs]. Petrograd: Kolos, 1923. 246 p.

12. Khodasevich, V.F. *Konets Renaty* [Renata's end], in Khodasevich, V.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 4* [Collected Works in 4 vol., vol. 4]. Moscow: Soglasie, 1997, pp. 7–19. 744 p.

13. Lavrov, A.V., Malmstadt, J. «Prekrasnaya Dama» Andrey Belogo [“Beautiful Lady” of Andrey Belyi], in Belyy, A. *Vash rytsar': pis'ma k M.K. Morozovoy. 1901–1928* [Your knight: letters to M.K. Morozov. 1901–1928]. Moscow: Progress-Pleyada, 2006, pp. 3–32.

(Articles from Scientific Journals)

14. Berendeeva, I.A. *Tematicheskoe i stilisticheskoe mnogoobrazie pisem A. Bloka* [Thematic and stylistic diversity of A. Blok's letters], in *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2007, no. 15, pp. 27–32.

15. Krylov, D.A. *Ideya Sofii, «religioznoe delo» Vladimira Solov'eva i simbolizm Andrey Belogo* [The idea of Sophia, the “religious cause” of Vladimir Solovyov and the symbolism of Andrei Belyi], in *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Philosophia*, 2005, no. 5, pp. 3–19.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

16. Ljunggren, M. *Bely and Aleksandr Blok in Poetry and Psychiatry: Essays on Early Twentieth-Century Russian Symbolist Culture*. Boston: Academic Studies Press, 2014, pp. 18–25.

17. Minets, D. *Mythorealist Concept of “Beautiful Lady” in the Structure of the Author's Identity (Based on the Diaries of Alexander Blok)*, in *International journal of environmental and science education*, 2016, vol. 11, no. 15, pp. 7465–7475.

(Monographs)

18. Bychkov, V.V. *Russkaya teurgicheskaya estetika* [Russian theurgic aesthetics]. Moscow: Ladomir, 2007. 743 p.

19. Malmstad, J.E. *Andrey Bely: spirit of symbolism*. New-York: Cornell University Press. 1987. 375 p.

20. Schmitt, A. *Hermetischer Symbolismus: Andrej Belyjs “Istoriya stanovlenija samosoznajuščej duši”*. Berlin: Peter Lang GmbH, 2019. 432 p.